

THE TRANSFORMATION OF IRONY, AS A COMPONENT OF MAUGHAM'S IDIOSTYLE, IN CONSEQUENCE OF ADAPTATION OF HIS WORKS

Beresnev A.A.¹, Novikova N.A.² (Russian Federation)

Email: Beresnev546@scientifictext.ru

¹Beresnev Andrey Anatolyevich – PhD in Pedagogic Sciences, Associate Professor, Director,
INSTITUTE FOR PHILOLOGY, HISTORY AND ARTS;

²Novikova Nataliya Anatolyevna – Student,
DEPARTMENT OF FOREIGN PHILOLOGY, FACULTY OF THE ENGLISH LANGUAGE AND WORLD LITERATURE,
HUMANITIES AND EDUCATION SCIENCE ACADEMY (BRANCH)
V.I. VERNADSKY CRIMEAN FEDERAL UNIVERSITY,
YALTA

Abstract: *this article raises the problem of adapting authors' texts, which, as a rule, is produced without respect of the individual stylistic features of the authors. The irony here is seen as a significant element of the idiosyle of the English writer W. S. Maugham. The article analyses the classification of authorial irony and describes the features of the irony of W. S. Maugham. The key topic is the comparison of the original text with its adapted version. Here is a research whether the author's irony, as a feature of his idiosyle, is preserved or omitted when adapting the original works. The article reveals the features of adaptation and transformation of irony while simplifying the texts of Maugham's stories.*

Keywords: adaptation, authorial irony, idiosyle, adapted text.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИРОНИИ КАК КОМПОНЕНТА ИДИОСТИЛЯ У.С. МОЭМА В РЕЗУЛЬТАТЕ АДАПТАЦИИ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ Береснев А.А.¹, Новикова Н.А.² (Российская Федерация)

¹Береснев Андрей Анатольевич – кандидат педагогических наук, доцент, директор,
Институт филологии, истории и искусств;

²Новикова Наталья Анатольевна - студент,
кафедра зарубежной филологии, факультет английского языка и зарубежной литературы,
Институт филологии, истории и искусств
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Ялта

Аннотация: *в данной статье поднимается проблема адаптации художественных текстов, которую, как правило, производят, не принимая во внимание индивидуальные стилистические черты их авторов. Ирония здесь рассматривается как значимый элемент идиостиля английского писателя У.С. Моэма. В статье анализируется классификация авторской иронии и описываются особенности иронии У.С. Моэма. Ключевой темой выступает сопоставление оригинального художественного текста с его адаптированным вариантом и исследование того, в какой мере авторская ирония, как черта идиостиля, сохраняется либо опускается при адаптации оригинальных произведений. В статье выявляются особенности адаптации и трансформация иронии при упрощении текстов рассказов У.С. Моэма.*

Ключевые слова: адаптация, авторская ирония, идиостиль, адаптированный текст.

На сегодняшний день основной и единственной функцией адаптатора выступает повышение понятности текста путём «предугадывания и элиминирования лакун» [5, с. 73] читателя. То есть адаптатор прогнозирует возможные пробелы в знаниях читателя, обусловленные межкультурным барьером, лингвистическими особенностями текста или наличием профессиональных терминов, и заполняет их альтернативными языковыми единицами или конструкциями. Ни один исследователь, изучающий адаптацию художественных текстов, не ставит целью сохранить индивидуальный стиль оригинального произведения. Таким образом, мы сталкиваемся с диссонансом, которому, по упущению лингвистов и литературоведов, не уделяется никакого внимания, а именно: читатель знакомится не с произведением автора, как он считает, а с той выжимкой, которую подготовил для него интерпретатор, и которая довольно часто, помимо заголовка и сюжета, не имеет ничего общего с оригинальным произведением и, тем более, с авторским идиостилем, посредством восприятия которого и формируется впечатление о писателе. Интересно пронаблюдать за трансформацией элементов идиостиля при адаптации художественного текста на примере конкретного автора. В нашей работе таким автором выступает У.С. Моэм.

На наш взгляд наиболее интересными из элементов идиостиля У.С. Моэма является ирония, красной нитью проходящая сквозь все произведения английского прозаика. Отнять у У.С. Моэма иронию – значит отнять способность мыслить, и, соответственно, писать.

Историческая обусловленность возникновения иронии близка к иносказанию, появившемуся благодаря Эзопу – древнегреческому баснописцу, вынужденному облачать собственное видение картины мира в образы животных – наиболее часто встречающихся героев басен. Приём иронии известен литературе с давних пор, и определить её прародителя не представляется возможным, однако, причинами её использования можно назвать толерантность, плюрализм мнений, самообладание, недосказанность [1, с. 9]. В большинстве толковых словарей фиксируется, что ирония – это «тонкая» насмешка, тогда как австралийский учёный Д. Мьюк дополнительно разделяет её на 4 группы, а именно:

- 1) безличная ирония (impersonal irony);
- 2) самоуничижительная ирония (self-disparaging irony);
- 3) ирония инженту (ingenue irony);
- 4) драматизированная ирония (dramatized irony) [4].

Суммируя вкладываемый учёным в данные группы смысл, нужно сказать, что безличной иронией он называет такой способ её передачи, при котором личность автора остаётся невыраженной. Н.В. Веселова, однако, в диссертационной работе «Ирония в политическом дискурсе» ставит под сомнение подобную категорию, обвиняя Д. Мьюка в чрезмерном упрощении литературоведческой категории автора [2]. Под самоуничижительной иронией следует понимать такую иронию, когда её субъект (или ядро) по каким-либо причинам делает вид, что является неспособным осознать происходящее. Инженту, следуя выведенной Н.В. Веселовой квинтэссенции, это такой тип иронии, реализовывая который автор «вкладывает свои слова в уста простака, который видит и понимает те противоречия, которые неспособен понять умный» [2]. И последняя, драматизированная ирония – это описательный метод драматического события.

В научных исследованиях по когнитивной лингвистике, рассматривающих категорию иронии, всё чаще используется термин «фрейм» как образующее понятие иронии. Так, Е.А. Брюханова в диссертационной работе «Когнитивно-историческая обусловленность иронии и её выражение в языке английской художественной литературы» пишет, что созданию благоприятной почвы для возникновения иронии способствует наличие двух противоположных фреймов – стереотипного, отвечающего за истинность высказывания, и игрового, отвечающего за его фиктивность: именно эти два фрейма дают начало двойной интерпретации текста [1, с. 9].

Термин «фрейм» был введён Марвином Минским, но с тех пор претерпел значительные трансформации смысла. В данной научной работе «фрейм» мы понимаем в его самом широком смысле – как целостные фрагменты знаний. Наиболее часто встречающиеся в литературе фреймы, являющиеся фундаментальными для категории иронии, следующие: «хороший» – «плохой», «добродетель» – «порок», «видимость» – «скрытость», «подлинность» – «ложь», «серьёзность» – «легкомыслие» и т.д.

Говоря об иронии У.С. Моэма, необходимо отметить фреймы, используемые им при написании своих произведений. Так, рассказ с заголовком «A Friend in Need» – пример, когда ирония заключена уже в заголовке, но понять её можно лишь после прочтения всего произведения. Персонаж Э. Бёртон, изначально окаймлённый в сознании читателя фреймом «друг», в ответ на мольбу товарища устроить последнего на работу посылает его на верную смерть лишь потому, что не располагает свободными вакансиями. Так, возникает противоположный фрейм «предатель» либо «враг». В данном рассказе ирония заключается в самом сюжете, за счёт чего она выдержана и в тексте адаптации. Есть, однако, и определённый эпизод, содержащий приём иронии, граничащей с сарказмом. В этом эпизоде происходит диалог двух товарищей, когда один просит о работе другого – Э. Бёртона, и тот спрашивает о возрасте. Предлагаем проследить за реализацией данного фрейма в оригинальном тексте в сопоставлении с текстом адаптированным.

Таблица 1. Сопоставление оригинального и адаптированного текстов

Оригинальный текст	Адаптированный текст
I asked him how old he was. «Thirty-five», he said. «And what have you been doing <u>hitherto</u> ?» I asked him. «Well, nothing very much», he said. I couldn't help laughing. «I'm afraid I can't do anything for you just <u>yet</u> ». I said. «Come back and see me in another thirty-five years, and I'll see what I can do».	I asked him how old he was. «Thirty-five», he said. «And what have you been doing <u>before</u> ?» I asked him. «Well, nothing very much» he said. I couldn't help laughing. «I'm afraid I can't do anything for you just <u>now</u> ». I said. «Come back and see me in another thirty-five years, and I'll see what I can do».

Ирония заключена в последней реплике, где Э. Бёртон, узнав, что его товарищ ничем особо не занимался в течение тридцати пяти лет, предлагает ему прийти через следующие тридцать пять лет, и

тогда он посмотрит, может ли что-то сделать. Как мы видим, адаптации были подвергнуты лишь слова «hitherto» и «yet» – их заменили на более употребимое «before» и менее многозначное «now» соответственно. Таким образом, можем сделать вывод, что ирония, как стилиобразующий компонент, при адаптации рассказа «A Friend in Need» затронута не была.

Другой пример иронии, реализующейся на протяжении всего произведения, но заключённой в конце – это рассказ «The Man with the Scar». Он повествует об опасной, сумасшедшей, но романтической истории главного персонажа, о ситуации, от которой в жилах застывает кровь, и из которой мужчина со шрамом выбирается, едва оставшись живым. Тем не менее, причина появления шрама на его лице, открывшаяся читателю в самом конце, оказалась настолько тривиальной, что нивелировала весь пафос повествования – пример иронии, реализованной с помощью неожиданной замены фреймов «романтика» и «опасность» на фрейм «обыденность». Касательно адаптированного текста, ирония в нём была сохранена.

Таким же сюжетообразующим типом иронии воспользовался У.С. Моэм и при написании рассказа «The Bum». Повествование посвящено детальному описанию некоего нищего; настолько нищего, что читатель едва мог бы встретить второго хотя бы примерно похожего по жалкости внешнего вида и безучастной отчаянности, проявляющейся в его поведении. Автор настолько подробно прорисовывает образ этого нищего, что никто не может усомниться в том, что этот нищий никогда не откажется ни от одной поданной в качестве милостыни монеты. Тем не менее, когда рассказчик вкладывает в руку героя бумажную купюру либо чек, тот, даже не взглянув, сворачивает подавание в комок, кладёт на ноготь большого пальца и подбрасывает высоко в воздух так, что комок приземляется у коршунов, после чего один из коршунов хватается бумагу клювом и улетает. Основная функция иронии здесь, по нашему мнению, заключается в том, чтобы напомнить читателю: всё не всегда так, как нам кажется. Наше сознание додумывает, что персонаж внутренне должен соответствовать тому, каковым его видят внешне. Тем самым мы заключаем финансово бедного персонажа рассказа во фрейм «зависимый», и ирония реализуется тогда, когда фрейм неожиданно меняется на «гордый» – противоположный и наименее ожидаемый.

Безусловно, восприятие иронии при прочтении адаптированного текста отличается от восприятия иронии при знакомстве с текстом оригинальным ввиду наличия в оригинальном тексте множества вспомогательных приёмов и художественных средств, усиливающих её действие на читателя. Большинство этих вспомогательных средств было опущено. Изъясняясь в количественном выражении, необходимо отметить, что оригинальный текст, написанный У.С. Моэмом, состоит из 2430 слов, при адаптации текста опущению было подвергнуто 948 слов, что составляет почти 40%, и это уже не говоря о других изменениях, произведённых с текстом, в ходе которых было потеряно ещё 66 слов.

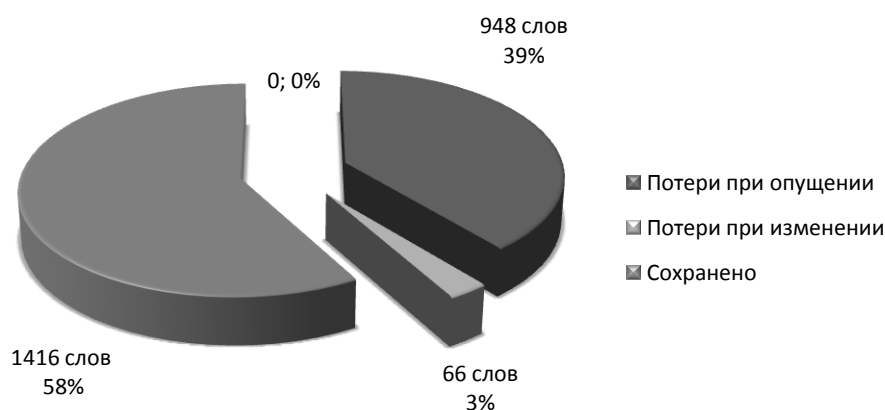

Рис. 1. Потеря количество слов в адаптированном тексте рассказа У. С. Моэма «The Bum»

Наиболее часто для передачи иронического смысла произведению необходимо наличие ядра – иронической личности. Как правило, многочисленные романы У.С. Моэм не лишены таких личностей, что позволяет писателю использовать данный стилистический приём на протяжении всего повествования. Однако, роль самого автора в реализации иронизирования нельзя недооценивать: стоит персонажам умолкнуть, как голосом иронии начинает говорить сам У.С. Моэм, безжалостно высветляя все пороки, как личностные, так и общества в целом, что можно пронаблюдать не только в рассказе писателя, но и в более объёмной форме – романе.

Возвращаясь к классификации иронии Д. Мьюка, который разделяет её на четыре основные группы, следует отметить, что для художественных текстов У.С. Моэма более характерна ирония драматизированная (*dramatized irony*), т.к. ирония чаще заключается в самих событиях, описываемых в произведениях, нежели в высказываниях, произнесённых рассказчиком либо персонажем. Такой тип иронии не передать наименее сложно в процессе адаптации текста даже, если перед адаптатором не стоит такой конкретной задачи.

Так, мы пришли к выводу, что ирония У.С. Моэма в большинстве случаев не может рассматриваться отдельно от сюжета, что значительно облегчает работу для адаптаторов его текстов. Опускание других художественных элементов в адаптированном тексте может незначительным образом влиять на передачу авторской иронии, но не в силах девальвировать её. Так, по большей мере, если сохранён моэмский сюжет, то сохранена и моэмская ирония.

Список литературы / References

1. Брюханова Е.А. Когнитивно-историческая обусловленность иронии и её выражение в языке английской художественной литературы (на материале произведений О. Уайльда, У.С. Моэма, Дж. Барнса). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. фил. наук. Москва, 2004. 25 с.
2. Веселова Н.В. Ирония в политическом дискурсе. [Электронный ресурс], 2014. Режим доступа: <http://www.dslib.net/> (дата обращения: 13.11.2016).
3. Моэм С. Человек со шрамом и другие рассказы, сост., адаптация текста, комментариев, слов. Г. К. Магидсон-Степановой. М.: АЙРИС-пресс, 2015. 176 с.
4. Мьюк Д.К. Компас иронии. Лондон, 1969. 276 с.
5. Первухина С.В. Структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики адаптированного текста. Дис. на соиск. уч. степ. докт. фил. наук. Ростов-на-Дону, 2015. 305 с.